

Как мазня стала шедеврами

Коллекция Костакиса остается в России

Литературная газета - 1998 - 7 окт. - с. 11

«Абсолютной чужью» назвала проживающая в Афинах Алики Костакис недавние публикации в греческих и российских газетах о том, будто греческое правительство уже заплатило 1,5 миллиона долларов в виде задатка за часть собрания ее покойного отца Георгия Костакиса — легендарного коллекционера, собравшего в Москве самую большую в мире коллекцию картин русского авангарда.

Я познакомился с Георгием Дионисовичем Костакисом в Греции незадолго до его смерти. Великий коллекционер в то время уже тяжело болел, но встретил гостя из Москвы с энтузиазмом.

— Зина, принеси-ка нам водочки! — сразу же попросил он жену. И тут же добавил, уже для меня: — А то тут, в Греции, и выпить-то не с кем!

Костакис был веселым человеком, пел, играл на гитаре. Его легендарная квартира-музей на проспекте Вернадского в Москве всегда была полна гостей. После вынужденного отъезда из России его семья поселилась сначала в Италии, но там им не дали вида на жительство, и тогда Костакис пустил корни на родине своих предков — в Греции. В Афинах без московских друзей, без вечерних посиделок на кухне, без коллекции, 80 процентов которой он оставил при отъезде, он затосковал и скоро умер.

Георгий Дионисович Костакис родился в 1913 году в Москве в семье разорившегося после революции греческого торговца табаком. Хорошее образование он не смог получить и рано пошел работать — надо было помогать семье. Устроился шофером, сначала в греческое посольство, потом в канадское. Любопытно, что его бывший начальник — прежний посол Канады в Москве г-н Роберт написал, когда вышел на пенсию, книгу о своем бывшем служащем.

— С ранних лет, — рассказывал мне Костакис, — у меня появилась тяга к прекрасному. Маленьким мальчиком меня родители водили в церковь Афанасия Салунского, и я, как зачарованный, с восхищением любовался таинственными ликами икон, мерцающим парчовых одеяний священников. Именно поэтому, как только появились деньги, начал собирать картины. Сначала старых мастеров, фарфор, русское серебро. Москва была настоящим Клондайком для коллекционеров. Полки магазинов ломались от антикварных вещей, а цены были низкие.

Однако самому Костакису скоро наскучило собирать традиционные вещи. Он жаждал чего-то нового, необычного. В одном доме — дело было в 1946 году — начинающий коллекционер впервые увидел несколько картин нового направления — художников русского авангарда. Это были картины Любови Поповой.

— Я тут же купил их, — вспоминал Костакис, — принес домой, повесил на стену. И вдруг мне показалось, что стены моей комнаты раз-

двинулись, окна распахнулись и в них ворвалось яркое солнце. И душа моя затрепетала... Я сразу понял, что авангард — великая живопись и я буду собирать только эти картины.

С неистовым темпераментом и упорством Костакис повсюду искал картины художников авангарда. Хотя их тогда не только в СССР, но и на Западе никто не признавал. Он объезжал подмосковные дачи, «прочесывал» комиссионки, «пил чаек» с вдовами умерших в неизвестности художников, ездил по провинции и за границу...

— Когда не было денег, — вспоминает Алики Костакис, — а надо было купить приглянувшуюся ему картину, отец приходил домой, ни слова ни говоря, брал шубу матери и продавал ее, закладывая ее драгоценности. Однажды он продал даже семейный автомобиль.

Жена, дети, которые выросли среди его картин, терпели, потому что понимали: эту неистовую

зы. Произошла одна, а затем вторая кража картин из московской квартиры, ограбили и подожгли дачу в Баковке. В огне погибло много рисунков гениального Анатолия Зверева.

Кстати, этого выдающегося самородка, которого советские чиновники от искусства никак не хотели признавать, Костакис не раз буквально спасал от хронических запоев. Тот подолгу жил на его даче, где рисовал на чем попало. Именно там он создавал свои гениальные портреты, которые рисовал, макая веник в ведро с краской.

Увы, но именно эта бескорыстная помощь нуждающимся и непризнанным художникам послужила потом недобросовестным людям предлогом для сплетен и злословия. Про Костакиса стали говорить, что он будто бы создал свою мировую коллекцию «за так», «за кусочек колбасы». Такого рода публикации появлялись в российских газетах уже даже после того, как культурой в России перестали управлять из ЦК КПСС.

В сталинские же времена даже греческий паспорт не был для Костакиса и его семьи гарантией от невзгод. Его брат томился в концлагере. Другой брат, знаменитый автогонщик, погиб в 1931 году при странных обстоятельствах во время соревнований.

Был таинственный случай, когда разделиться хотели уже с самим коллекционером. Костакис лежал в больнице, где врачи — а в палатах с иностранцами врачи были агентами НКВД в белых халатах — его лечили так, что он лишь чудом не отправился на тот свет. Один пациент, лежавший на соседней койке, признался ему много лет спустя, что чекисты просили его следить за своим соседом, который «все равно умрет».

Словом, когда после вызвавшей столько надежд «оттепели» начались новые преследования, Костакис решил больше не испытывать судьбу и подал заявление об отъезде из СССР. Но уехать тогда, даже человеку с греческим паспортом, было нелегко. Он написал письмо Брежневу, но ответа не получил. Через друзей-коллекционеров с большим трудом удалось выйти на всемогущего тогда Андропова, который имел репутацию любителя живописи. Он-то и дал в 1977 году разрешение на отъезд.

— Я не хотел уезжать, — говорил мне Костакис во время последнего перед смертью интервью. — Я — грек, но считаю Россию своей родиной. Больше всего в жизни я хотел создать свою галерею в Москве, чтобы все собранные мною

картины, все мои «дети» были вместе и ими могли любоваться мои соотечественники. Увы, эта мечта не сбылась...

При жизни Костакис так и не получил официального признания в Москве. Ни один чиновник Министерства культуры ни разу не побывал в его квартире-музее. Большая выставка его коллекции в Третьяковской галерее состоялась уже после его смерти. Не спешили его признавать и в Греции. Выставка его имени в Национальной галерее Афин тоже состоялась, когда коллекционер уже умер.

В Третьяковской галерее перед отъездом он безвозмездно оставил около 80 процентов своей коллекции — лучшие работы. Если бы не Костакис, музей, конечно, никогда бы не смог купить эти картины. Мало того, иностранные дипломаты — а ведь он работал в посольстве — не раз предлагали ему потихоньку вывезти шедевры за рубеж в дипломатическом багаже. Но коллекционер всякий раз с негодованием отвергал такие предложения. Его историческая заслуга в том, что именно он, грек по происхождению, сохранил шедевры русского авангарда для России.

Вывез же он с собой только 20 процентов коллекции — только то, что ему официально разрешили увезти эксперты Министерства культуры и Третьяковки. Эта часть собрания хранится сейчас в Германии, а распоряжается ею его дочь Алики, живущая в Афинах. Картин там немного (лучшие остались в Москве), в основном рисунки на бумаге — всего около 700 наименований.

— Мы, — говорит Алики, — хотим продать эту часть коллекции, чтобы она не лежала мертвым грузом, а попала в солидный музей и чтобы обязательно было сохранено имя отца. Сейчас идут переговоры о покупке этой части коллекции греческим правительством, однако окончательного ответа греки еще не дали. Конечно, и эта часть коллекции могла бы вернуться в Россию, но ни российские банки, ни крупные меценаты пока никаких предложений не делали...

Оказавшись в Греции, Костакис уже не мог заниматься любимым делом — собирать картины. И тогда — когда ему было уже за 60 — впервые сам взял кисть в руки. Он продолжал рисовать, даже оставаясь прикованным к постели болезнью. Специалисты говорили, что если бы он начал рисовать раньше, то мог бы стать крупным художником. Его картины предлагали купить крупные музеи. Но Костакис отказывался, зачем? Ведь он сам не считал себя художником. Он всю жизнь собирал чужую живопись, умел оценивать и понимать ее раньше и лучше других, потому и стал знаменитым. Самым знаменитым коллекционером нашего времени.

Владимир МАЛЫШЕВ,
соб. корр. «ЛГ», АФИНЫ



Г. Костакис с А. Зверевым